

Арина Ларина

Всем сестрам по мужьям

С улыбкой
о любви

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

С улыбкой о любви

Арина Ларина

Всем сестрам по мужьям

«ЭКСМО»

2011

Ларина А.

Всем сестрам по мужьям / А. Ларина — «Эксмо», 2011 — (С улыбкой о любви)

«Было у отца три сына» – так обычно начинаются сказки о том, как самый глупый сын оказался самым удачливым. У Александры Семеновны и Анатолия Васильевича было не три сына, а две дочери, а в остальном все совсем как в сказке: умница и красавица Татьяна работала не поднимая головы, даже не рассчитывая на перемены в личной жизни, а непутевая, не от мира сего Ольга шла по жизни легко, собирая все бонусы, которые по праву должны были принадлежать ее сестре. В сказках старшие сыновья так и остаются неудачниками. А в жизни? Может, Татьяне все-таки повезет?

© Ларина А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Арина Ларина

Всем сестрам по мужьям

Часть I

1995 год

Массивное претенциозное здание недовольно поглядывало на мир тусклыми, плохо промытыми стеклами. Нагретые летним солнцем стены, изборожденные старческими морщинами, надежно отделяли нервных абитуриентов от мечты. Тяжелая дверь хлопала, выпуская в душный город стайки щебечущих девиц.

– Сразу видно, студентки, – с завистью констатировала прыщавая дылда, мявшаяся рядом с Таней.

– Почему? – Таня решила из вежливости поддержать разговор.

Ей было наплевать на психологические экзерсисы собеседницы, да и на студентов тоже. Она, как любой человек, неделю пивший пустырьник и не спавший несколько ночей в попытках восстановить в памяти всю школьную программу, пребывала в состоянии стресса. Мечты, как хвост, сброшенный ящерицей, остались позади, и хотелось лишь одного – чтобы экзамены скорее закончились.

Особенно тягостно было думать об этом, потому что они только-только начались.

У каждого человека есть мечта. Она обволакивает мозг и, словно аккордеонист-виртуоз, перебирает нервные окончания. Мечта толкает на подвиги, глупости или просто не в ту сторону. Кому как повезет.

Танюша была уверена, что ей непременно повезет. Чуть-чуть не дотянув до медали, она не расстроилась. С ее умом и усидчивостью можно запросто набрать необходимые баллы и поступить на вожделенный филфак. А там... Пять лет учебы – и она поедет переводчицей с какой-нибудь правительственной делегацией. Или с артистами на фестиваль. С учеными за Нобелевской премией. В общем, жить станет ярко, интересно и насыщенно.

Она будет лучшей.

Танюша была в меру симпатичной, большеглазой, с полными губками, бровями вразлет и неплохой фигурой. Ей очень шла школьная форма, поэтому она легко представляла себя в деловом костюме с гладко зачесанными волосами. Она бы украсила любое мероприятие. Дело за малым – поступить на филфак и получить диплом.

Родители скептически качали головами и намекали, мол, хорошо бы найти что-нибудь попроще. Например, педвуз, в котором не такой бешеный конкурс.

– Танюша, у нас на взятку денег нет, – аккуратно закидывала пробный шар мама.

– И были бы – не дал, – сводил на нет мамину дипломатию отец. – Вырастили двух дур, теперь на старости лет хоть вешайся. Что старшая – ни уму ни сердцу, что младшая теперь Феи, ишь ты! Одна художница, другая, не иначе, писательница!

– Я переводчицей буду, – объясняла Таня.

После этого Анатолий Васильевич обычно свирепо и обличающе тыкал пальцем в старшую дочь и визгливо напоминал:

– Одна уже стала художницей! Вон, весь дом в шедеврах, только есть нечего и толку никакого. Даже в училище свое малярное не поступила! И чего теперь?

– Я поступлю, – блаженно улыбалась Ольга и выметалась из дома, прихватив мольберт. Ее тонкая душевная организация не выносила папенькиных воплей.

Таня была согласна, что старшая сестра занимается ерундой. Третий год пытаться поступать в одно и то же художественное училище – это слишком. Тем более что картины Ольга рисовала сомнительные: абстрактные фигурки, на которые будто налили воды.

– Я так вижу, – говорила сестра.

Папа пакостно хихикал и советовал купить очки, чтобы мир вокруг двинутой на живописи дочери приобрел четкость. Анатолия Васильевича тоже можно было понять. Худой, желчный, рано поседевший, он давно получил инвалидность и вынужден был сидеть дома без работы. Жизнь в четырех стенах с постоянным поеданием таблеток и контактами с российским здравоохранением кого хочешь превратит в истекающего ядом скорпиона. Отец злился, ведь на спокойную старость при подобных наследниках рассчитывать не приходится. Содержать их и помогать материально он тоже не смог бы, поэтому пытался воспитать из них бойцов, способных к обычной жизни теток, которые и в избу, и с конем, и шкаф подвинут...

– Толечка, – примирительно вздыхала жена, – ну чего уж теперь. Если выросла березка, то яблочек на ней не будет, и ждать нечего.

– Какая березка, Шурочка! – дребезжал отец. – Из березки хоть дров можно напилить, а это пеньки сплошные. Ни уму ни сердцу! Говорил же, надо к хозяйству их приучать! Вот пожалел поганок, взял все на себя, пусть учатся... Научились на нашу голову! Профессия в этой жизни нужна, иначе на панель пойдете!

Оля улыбалась как блаженная и грезила о чем-то своем, а Таня точно знала, что уж у нее-то в отличие от сестрицы будет именно профессия. И зарабатывать она станет и на хлеб, и на масло, и на икру. Они были внешне очень похожи, с той лишь разницей, что Ольга крупнее, фигуристее и спокойнее. Индифферентнее. Если Таня обижалась на слова отца, то Лелька лишь мягко улыбалась и углублялась в свой выдуманный мир.

Таня же крепко стояла обеими ногами в реальности, во всяком случае, ей так казалось. Родители еще увидят! Осознают, как ошибались.

– Там такой конкурс, без блата не получится, – расстраивалась мама. – Ведь год потеряешь, дурочка! Ольга-то у нас бедовая, но ты умницей была всегда. Куда ты, Танечка?!

Дочь смотрела на глупых, недалеких родителей с сочувствием и интеллектуальным превосходством, представляя, как придет и гордо сообщит:

– А я поступила.

Молодость воспринимает жизнь проще и легче. Отсутствие опыта помогает шагать вперед, не замечая, что под ногами уже болото.

– Но я же шагаю, – удивится Молодость.

– Не в ту сторону, – заметит Опыт.

В юности мы строим планы, наивные и светлые, как детские шарики. И такие же непрочные. Они лопаются, падая нам под ноги бесформенными жалкими тряпочками несбывшихся надежд. Нам кажется, что все просто, а сложности придумывают взрослые. Они сами создают проблемы, потому что ничего не понимают. А как же: маразм не за горами, а все туда же – с советами лезут. Вот мы – иные, у нас все получится, потому что нам так хочется.

Тем удивительнее и непонятнее, когда получается совсем не так, как в наших фантазиях.

Таня не поступила.

Она стояла и смотрела на тяжелую, свинцовую воду. Даже нежно-голубое небо не делало этот мутный поток светлее. Таня утопилась бы, если бы не одна проблема: она очень хорошо плавала.

Жизнь закончилась.

– Девушка, вам плохо? У вас беда? – Тетка в старорежимном одеянии, состоявшем из длинной серой юбки с оборками и блекло-зеленой застиранной рубахи, воодушевленно вытягивала шею, ловя ее взгляд.

Танюша кивнула, едва сдерживая рыдания.

– Я – сестра Елизавета! Возьмите. – Тетка, словно фокусница, выудила из жеваного пакета тонкую книжечку. – Здесь ответы на все ваши вопросы и решение проблем. Приходите к нам...

– К вам?

– К нам! – Сестра Елизавета даже подпрыгнула от радости, что ее услышали и поняли. – Мы, ваши братья и сестры...

– Сестра! – Странную тетку неожиданно облапил не менее странный парень с зелеными волосами, заплетенными в огромное количество свалывшихся косичек. – Родненькая! Ты нашлась! Пойдем скорее!

– Куда? – Сестра Елизавета выглядела озадаченной.

– Не знает она, куда! – Зеленоволосый погрозил пальцем с черным, обгрызенным ногтем и пояснил, обращаясь к Тане: – У нас в дурке-то обед давно, без сестренки не начинаем!

– В какой дурке? Изыди! – взвизгнула тетка и замахнулась на парня методичкой.

– В такой, – вдруг зло ответил парень. – Где все всех любят, поют песни и обвешивают вновь прибывших лапшой. А ну иди отсюда!

Сестра Елизавета зашагала по набережной, периодически оглядываясь и грозя сухим кулачком. Таня, точно во сне, наблюдала за этой странной сценой.

– Чего стоишь? Помер у тебя кто? – Зеленоволосый ощутило ткнул Татьяну в плечо.

– Нет, не помер, – послушно доложила она, испуганно пятясь.

– А почему лицо такое?

– Не поступила.

– И чего? – Парень с интересом прищурился.

– Не поступила, – повторила Таня. Ей казалось, что этого объяснения достаточно.

– Ясно, – разочарованно протянул незнакомец. – Я думал, у тебя непоправимое что-то. Например, любимый умер или заболел неизлечимо. А ты с фигней какой-то.

– Как это с фигней? – оскорбилась Танюша. – Я в университет не поступила!

– Ну и что? Я тоже не поступил. Ты можешь куда-нибудь в техникум пойти или просто ждать и на следующий год поступать, а я – в армию. Вот это проблема! У меня мать с ума сойдет. Отчим запьет. Я два года теряю. И в перспективе – запросто могу вернуться инвалидом. А у тебя что? Чего у тебя такого фатального случилось, что к тебе аж сектантки с криками «ура!» бегут?

– Сектантки? – испугалась Таня.

– Ты из тайги приехала? Езжай обратно, у вас там экология хорошая. Работу найдешь. А в городе ловить нечего. Тут не сахар. Особенно такому наивняку голубоглазому. Тебя эта жизнь одним зубом перекусит и выплюнет.

– Я здесь родилась! – воскликнула Танюша.

– Тем лучше. Множество возможностей. Это тебе не в колхозе коровам хвосты крутить.

– Штормит тебя. – Тане неожиданно стало смешно. – На дипломата поступал?

– На психолога. – Он улыбнулся. – Ладно, пока. И помни: все фигня, кроме пчел. И пчелы тоже фигня. Это не я сказал. Это Винни-Пух, а он знал толк в жизни. – Зеленоволосый махнул рукой и побежал к подоспевшему троллейбусу.

Таня тоскливо смотрела ему в след. Ей полегчало, но не настолько, чтобы прийти в себя.

Домой она вернулась ближе к ночи, в надежде, что родители утомонились и заснули. На разговоры с торжествующим по поводу своей правоты папаней у нее не было сил.

– Девочка моя! – заголосила мама, бросившись к блудной дочери. – Мы чуть с ума не сошли! Где ты была?

– Гуляла, – вяло отмахнулась Таня, заметив в дверном проеме папеньку.

– Еще одна! – в бессильном бешенстве крикнул Анатолий Васильевич. – Не поступила?

– Не лезь к ребенку! – рывкнула на него жена. – Видишь, на ней лица нет? Хорошо, что вообще живая пришла.

– Вот радость-то. Еще одна захребетница. Подожди, теперь и она вместе с Ольгой усядется дома, будет к следующим экзаменам готовиться. А ты их корми! И так до пенсии.

– Ничего, прокормлю, – пробормотала мама, стаскивая с Тани туфли. – Тебя же, тролля злобного, кормлю, и девочек своих вытяну. Только бы здоровья хватило.

Самым страшным было то, что Танюша оказалась такой же никчемной мечтательницей, как и Ольга. Это было унижительно, стыдно и неправильно.

Одно дело горе-художница, бормотавшая, что за ее искусством будущее, а сейчас ее просто не понимают. И совсем другое – Танюша, знавшая язык на «отлично» и лишенная возможности получить диплом только из-за того, что у ее родителей нет лишних денег! А в результате почему-то они с сестрой оказались в одинаковом положении. Где логика?

Проигрывать тоже надо уметь. Слабые сдаются, сильные выплывают. Раз уж не получилось выйти из этого боя победителем, Танюша решила стать сильной и ... победить где-нибудь в другом месте. Пусть не победить, но хотя бы не стать нахлебницей.

– Нельзя предавать мечту, – утешала сестра, малюя очередное авангардное полотно. – У каждого человека есть несколько путей. И чем упорнее он идет по избранному, тем больше шансов дойти до конца.

– Леля, а где гарантия, что в конце твоего пути не компостная яма? – мрачно парировала Татьяна.

– Мысль материальна, что нафантазируешь, то и будешь иметь, – терпеливо гнула свою линию несостоявшаяся художница.

– Даже боюсь спрашивать, что ты себе нафантазировала, – отмахивалась от сестры Таня. – Выставки, поклонники, твои картины покупает Эрмитаж...

– А хотя бы и так.

– Во ужас. Оль, имей мужество признать, что не вышло, и иди искать работу. Или образование получать попроще.

– Как ты? – Оля смотрела на сестру с сочувствием.

Эти разговоры повторялись изо дня в день.

Но Таня приняла решение поменять цель. Не всем парить в небесах. Кто-то должен ходить по земле. Чтобы мама не надорвалась, зарабатывая на всю ораву.

Швейное училище она посчитала наиболее подходящим вариантом. Оно находилось рядом. И дома имелась старая швейная машинка.

Для начала пути этого вполне достаточно.

– Опять краской воняет! Лучше бы в маляры пошла, – брюзжал отец, отвлекаясь от телевизора в гостиной.

Ольга молча улыбнулась и, не оглядываясь, бросила:

– А я, между прочим, тебя рисую.

– Меня? – Папаня грузно поднялся с дивана и прошаркал к мольберту.

Он наклонял голову то вправо, то влево, жмурился и наконец поинтересовался:

– Этот осьминог – я?

– Папа, ты не видишь? – расхохоталась Ольга. – Это твоё поле. Вот это – душа. Вот это – грусть.

– Да у меня сплошная грусть! А вот это, цвета свежего навоза, у меня что? – Он ткнул кривоватым пальцем в фигурно извивающееся пятно.

– Мир вне твоей субстанции.

– Точно! – Анатолий Васильевич звонко шлепнул себя по коленям. – Это именно то, что болтается тут вне моей субстанции. Я вот думаю, может, перестать тебя кормить? Тогда у тебя мозг на место быстрее встанет?

– Хватит ругаться! – Таня вихрем пролетела мимо, на ходу застегивая блузку. – Лелька, аккуратнее с краской, не заляпай меня. Ой, а что это?

– Папин портрет. Нравится?

– Обалдеть! А почему у него рога отдельно от головы?

– Где рога? – насупился Анатолий Васильевич.

– Да вон, коричневые. Как у лося, только расплылись. – Таня с интересом разглядывала шедевр. В общем и целом папаня ассоциировался именно с таким сочетанием цветов и форм.

– У вас примитивное сознание с недоразвитой фантазией, – посочувствовала родственникам художница.

Татьяна усмехнулась, а папёнка включился в дискуссию. Слово «недоразвитая» ему категорически не понравилось. Таня тоже поучаствовала бы, но пора было бежать на свидание. Она заторопилась. Увольнительная у Дениса только до вечера.

На ту дискотеку она не хотела идти, но девчонки из училища уговорили.

– Чего ты будешь дома киснуть? Пошли, растрясемся. И вообще – давно пора парня завести. А то как белая ворона.

В коллективе раскрепощенных сокурсниц Таня казалась инородным телом. Нет, она не задирала нос, не пыталась отмежеваться от девчонок, просто она была другой. И ассимилироваться с пока чужой для нее средой было проблематично.

Новые подружки ярко красились, красиво курили, смачно матерились и легко откликались на мужское внимание. Кавалеры у училища крутились тоже соответствующие. Не утруждали себя романтикой, норовя прорваться к телу и закончить процесс сближения в сжатые сроки. Здесь никто не мечтал о высшем образовании, зато все грезил об актерах и певцах, к удивлению Тани, совершенно серьезно планируя однажды выйти за них замуж. Все было проще, честнее и ближе к реальности.

– Тань, чего ты кобенишься? – спросил ее однажды Гоша, веселый гопник, постоянно тусовавшийся на крыльце училища в компании таких же приклатненных парней в спортивных костюмах. – Что не так?

Гоша искренне недоумевал. Девушка шарахалась от него, как моль от нафталина.

– Гоша, ты классный. – Танюша испуганно заморгала, понимая, что надо срочно объяснить свое поведение так, чтобы кавалер не обиделся. Огорчать Гошу чревато последствиями. – Но я так не могу. Я приличная девушка, не люблю, когда меня подзывают свистом. Я же не дворняга какая-то. Хочу, чтобы мне стихи читали. Ладно, не стихи. Просто надо как-то романтично... За девушкой нужно ухаживать, цветы дарить, добиваться ее. А ты прешь, как танк по целине.

Видимо, получилось все же обидно, поскольку Гоша набычился и мрачно изрек:

– Стихи сама считаешь. Я тебе не ботаник прыщавый. Надо цветы – нарви. Вон клумба. Я тебе сказал, что ты мне нравишься? Сказал! А мог бы сразу заявить, что переспать хочу. Хотя и так ясно, что хочу. Чего еще надо? Или тебе сказать, мол, приходи ко мне домой, стихи

почитаем? А потом встретить на пороге в трусах и наврать, будто книжки со стихами в библиотеке закончились, поэтому культурная программа будет другая? Я же с тобой по-честному!

– Спасибо, – прошептала Таня и со спринтерской скоростью рванула домой.

Больше Гоша к ней не приставал, легко договорившись с более покладистой Веркой. Но девчонки стали над Таней посмеиваться и даже взяли над ней шефство.

На первой же дискотеке в ближайшем военном училище Таня получила столько полезной информации, сколько не вычитала за все годы в романах про любовь. Все, что писали в книгах, оказалось совершенно неприменимо на практике. Герои, ситуации и шаблоны поведения имели с реальностью не больше общего, чем кенгуру с самосвалом. Про платоническую любовь, красивые ухаживания и место женщины в системе координат ей объяснили еще по дороге.

– Отношения мужчины и женщины – чистая физиология, – говорила размалеванная, как папуас на тропе войны, Галка. – Все остальное – охи, вздохи, красивые слова – лишь для того, чтобы отмазаться от прямой мужской обязанности. Если мужик не мужик и не может, то он тебе и спеть, и сплясать готов, только бы не опозориться. Вот такие и врут про платоническую любовь. Любой имеет в виду все ту же физиологию, но, чтобы усыпить нашу бдительность, врет про звезды и неземную любовь. Самые честные мужики говорят все прямо в лоб. Зато с ними проще, и никакой подлянки не возникнет. Короче, самое главное, чтобы не пил, не бил и не гулял. Для этого надо найти парня, начать с ним жить и по ходу дела разобраться, реально ли с ним делать детей и жить долго и счастливо. Времени особо на это нет. Пока то да се, пока он расколется, пока ты его изучишь, может пройти и год, и больше. А когда выяснится, что опять все не то – имей в виду, нормальных мужиков можно по пальцам пересчитать, дефицит – придется начинать сначала. Поэтому не усложняй себе задачу, не трать время и не заигрывайся с романтикой. А то так в тираж выйти успеешь, а мужа нормального не отхватишь.

– И мужикам тоже не нужно жизнь усложнять, – вклинивалась в воспитательную беседу Верка. – Показывай товар лицом, чтобы потом возвратов не было. Если ноги красивые – продемонстрируй. Вот чего ты в брюках поперлась, если тебе есть чем похвалиться? А мужик будет гадать: кривые у тебя ноги, волосатые или просто надеть нечего. Иначе зачем ты их прячешь?

– Нет, Вер, у них ума на такое не хватит, – усмехнулась Галка. – Они просто не увидят, что у тебя ноги красивые. Есть грудь – показывай грудь. Есть ноги – показывай ноги. Это как на рынке, когда в ряд висят пятьдесят шмоток и все с люрексом. Схватят то, что ближе и дешевле.

– А это значит, – радостно подхватила Верка, – надо краситься ярче, а то у тебя лицо впотьмах и не разглядит никто. Не изображать недотрогу, потому что выбор большой, а всякие, на которых напрягаться надо, мужикам не больно-то нужны. И не озадачивать парня тратями на конфеты-букеты. Но это сначала. Потом, когда уже заловишь, следует раскручивать по максимуму. Если у него с тобой серьезно, то он жмотиться не станет. Но и мужик тоже должен понимать, что не за красивые глаза на тебя деньги тратит. Баш на баш. Усекла?

– Ага, – обалдело кивала Таня.

Мама учила ее совсем другому, да и в книжках все было иначе. Но у девчонок были парни, а у нее нет. Подруги чувствовали себя комфортно, а Таня нет. Значит, правы они.

– А если поняла, – добавила Галя, – то в следующий раз накрасься, чтобы хоть лицо можно было впотьмах различить, и надень юбку, как у меня. – Она гордо продемонстрировала блестящую ленту, едва прикрывающую трусы.

– У меня такой нет, – робко произнесла Танюша.

– Ты где учишься-то? – толкнула ее локтем Верка. – Сшей, и все дела.

У входа в училище стояла такая огромная очередь, что Таня сразу малодушно предложила вернуться домой.

– Да, щас, – засмеялась Галка. – Чтобы наших будущих генералов прибрали к рукам какие-нибудь понаехавшие лимитчицы? Нет! – И с песней «Врагу не сдается наш гордый «Варяг» Галина протаранила очередь, облобызав курсантика на входе. – Это со мной. – Галка кивнула на подруг, и девицы легко ввинтились в помещение.

Дискотека напоминала массовые смотрины. Музыку еще не включили, поэтому раздавались кокетливые дамские взвизги и солидный мужской хохот, старательно исполняемый петушиными дискантами первокурсников. Женская половина зала, равномерным слоем налипнув на стены, хихикала и строила глазки в пространство. А мужская, на правах хозяев, курсировала вдоль экспонатов, словно на невольничьем рынке.

Таня вынуждена была признать, что теряется среди соперниц, уступая им в пестроте наряда и боевой раскраске.

– Не тушуйся, – хихикнула Верка. – Сейчас музыку включат, и мы тут всем покажем класс.

Когда музыку наконец завели, показывать класс бросились все. Таня, раньше напиравшая исключительно на учебу, к дискотекам была не приучена. Можно сказать, это был ее первый выход «в люди». Наверное, так чувствует себя пингвин, снятый с льдины и заброшенный в какой-нибудь крупный зоопарк. Ей было дико, страшно и любопытно одновременно. Вокруг творилось нечто невообразимое. Конкурс «кто кого перепляшет» на деревенской свадьбе ничто по сравнению с дискотеккой в военном училище. Каждый плясал что-то свое, а музыка никому не мешала самовыражаться. Узкоглазый щуплый курсант танцевал подобие шаманского танца, подпрыгивая и хлопая в ладоши. Рядом грудастая, низкорослая деваха исполняла смесь твиста с цыганочкой, старательно тряся бюстом. Два высоких парня вообще плясали гопак с элементами рок-н-ролла. Вера с Галей слились в экстазе и под бодрящую песню извивались в эротическом танце, самозабвенно лапая друг друга. Их пару быстро разбили те двое, что отплясывали гопак, и утанцевали подружек в неизвестном направлении.

Таня осталась одна.

Девушка, находящаяся на дискотеке в группе подруг, может позволить себе строить глазки, смотреть по сторонам, громко обсуждать приглянувшегося парня или, наоборот, не приглянувшуюся девицу. Делать вид, будто ей безразлично, пригласят ее на танец или нет: она просто шла мимо и по недоразумению заглянула в это скучное заведение. Когда подруг одну за другой уводят кавалеры, оставшиеся начинают чувствовать себя как во время игры на раздевание – словно с каждой из подруг у нее уносят часть гардероба и она вот-вот останется с голым тылом. По степени ужаса, сковывающего напряженный организм, переживания оставшейся в одиночестве девицы можно сравнить с эмоциями болельщика «Зенита», волей случая в полной сине-белой экипировке оказавшегося на трибунах красно-белого «Спартака».

Трусливо поозиравшись, Таня попятилась к стене, прижалась, постаравшись слиться со штукатуркой, и стала пробираться к выходу. На лестнице, куда она высочила с мыслью скорее сбежать домой, курили парни. Они уставились на Таню и замолчали. Она вздрогнула и нырнула обратно в душный зал.

Со второго захода стало ясно, что не одна она находится в бедственном положении. Едва в очередной раз зазвучала медленная мелодия и девушки отхлынули к стенам, пошел процесс отбора. Так расхватывают хорошие сапоги на распродаже. Молодые люди, будто удачливые рыбаки, выдергивали из толпы мнующихся красавиц своих золотых рыбок и начинали романтически топтаться в паре, на зависть оставшимся подпирать стену. Таковых оказалось немало.

Таня вздохнула с облегчением и спряталась за колонной.

– Как всегда – самые красивые девушки от нас прячутся, – жарко шепнул кто-то в ухо.

У Тани подогнулись ноги, взмокла спина и с затылка по позвоночнику скатился табун мурашек.

Чем можно потрясти неопытную барышню? Да чем угодно. Она, как непуганый лось, доверчиво тянется к чужим рукам и ждет только хорошего. А как же? В книжках все очень подробно изложено: красивые слова, многозначительные взгляды, потом свадьба, дети и будущее в розовых соплях. Поэтому неопытные барышни легко ведутся на любую чепуху, выискивая в банальных фразах скрытый смысл. С такой девицей мужчина может нести любую чепуху – собеседница сама расслышит все, что ей надо, и даже предложение приехать к ней с ночевкой истолкует в нужном контексте.

Покорной овечкой Таня поплелась за обладателем чарующего шепота, даже не имея моральных сил взглянуть на кавалера. Она так и протанцевала с ним, уткнувшись взглядом в блестящий значок на лацкане пиджака. А когда неизвестный проводил ее к стене, она вдруг заволновалась: а как же его узнать?

– Чего не танцуешь? – К Танюше, притопывая, приблизилась Галка. – Классная сегодня музыка. Познакомилась уже с кем-нибудь?

– Не знаю. – Танюша пожала плечами. А действительно – можно ли считать этот танец в полном молчании знакомством?

На следующий медленный танец ее снова пригласили, и Танюша радостно улыбнулась, узнав значок на лацкане. Сердце билось, как рыбешка, зажатая в кулаке начинающего рыбака.

– А вы хорошо танцуете, – прошептал знакомый голос, и Таня едва не осела на пол. – Кстати, меня зовут Денис.

– Таня. – Она покраснела и наконец отважилась поднять глаза на кавалера. Лицо маячило где-то над ее головой, поэтому четко разглядеть удалось лишь широкий подбородок с симпатичной ямочкой.

– Какого ты красавчика отхватила! – наперебой начали хвалить девчонки. – Молодец, держи его!

– А как? – растерялась Таня.

– Ну, надавай авансов.

Как надавать тумачков, Таня примерно представляла. А вот с авансами дело обстояло сложнее, поэтому она беспомощно уставилась на подруг.

– Глазки сострой, – прояснила мысль Галя. – Поцеловать себя разреши...

– Да он вроде не собирается, – призналась Таня.

Она слабо представляла, как можно целоваться в первый день знакомства. Конечно, советы девчонок основывались на их опыте, но этот опыт ограничивался парой лет и сомнительными результатами.

– Легкодоступных женщин любят ленивые мужчины, которым неохота тратить силы на ухаживания или жаль на эти же самые ухаживания денег, – неожиданно озвучила она умную мысль, заползшую в сознание неизвестно откуда.

– Да кто тебе говорит, что надо сразу доступ к телу открывать? – моментально отреагировала Вера. – Просто не брыкайся особо, если он полапает чуть-чуть.

– Гадость какая! – вырвалось у Танюши.

Она даже представить не могла, чтобы мужчина с такой благородной ямочкой на подбородке начал банально лапать. Такие мужчины хорошо водят спортивные автомобили и смотрят вдаль с капитанского мостика собственной яхты, а вот мирские страстишки им чужды.

– Это жизнь, дорогая моя, – произнесла Галка. – Необходимо соблюдать баланс между доступностью и неприступностью. Когда научишься – считай себя взрослой.

Денис оказался красавцем – широкоплечий, светловолосый, сероглазый. Таня исподволь рассматривала его и пугалась собственного везения. Но, как выяснилось, она рано радовалась.

– Он откуда? – сразу же строго спросила Галка.

– Не знаю. Какая разница? – блаженно улыбалась Танюша.

– Нет, мне нравится эта ромашка, – фыркнула Вера. – Разница есть. Вот ты куда бы хотела поехать летом: на Черное море или в тундру?

– На море. – Таня никогда не была на юге. Не по средствам.

– Вот, – радостно закивала подруга. – Так и с мужиками. Большая разница, куда потом с ним пристраиваться: к своим родителям, чтобы остаться в городе, или в тундру!

– Ну, он же не из тундры, – обиделась за нового знакомого Танюша.

– А не факт. Вернее, все, что не крупный город, приравнивается к тундре. Проще говоря: ты хотела бы жить в деревне?

– Нет! – испугалась Танечка.

– И я не хотела бы! – воскликнула Галя. – Это как зебру закинуть в Магаданскую область и ждать, что она там выживет и даже нарожает зебрят. Лично я там не выживу и не нарожаю никого.

– Не путай ее со своими зебрытами, – отмахнулась Вера. – Тань, если он приезжий, то имей в виду: они все хотят зацепиться в городе. Это значит, что он будет активно пытаться жениться на тебе и прописаться. У тебя предки как к этому отнесутся? У вас есть, где жить?

Живо вообразив реакцию папани на появление в их хрущобе Дениса, Таня ожесточенно замотала головой, отгоняя жутковатое видение. Об этом она раньше не задумывалась.

– И как быть? – Танюша чуть не расплакалась. – Выбирать мужа с учетом жилплощади?

– Здрасьте, приехали! – Галка округлила глаза и уставилась на Веру: – Нет, ты слышала? У нас очередное открытие! Да, Таня, да! Ищи городского, потому что он точно будет жениться на тебе, а не на твоей квартире и прописке! У них же, кто здесь успел жениться и прописаться, тот в городе остается. А кто не успел, тот сваливает обратно в село Нижние Пупыри. А твой красавчик – старшекурсник, значит, риск выше. Хотя, конечно, обалденный парень. Такого можно и прописать.

Ни целоваться, ни лапать Таню Денис не стал. В невообразимой толчее маленького гардероба он помог ей одеться, взял номер телефона и, помахав рукой, убежал на какое-то дежурство.

– Вроде он городской, – соврала подругам Таня, так и не отважившаяся поднять с кавалером вопрос прописки.

– Нормально, – одобрительно сказала Галка.

– Все путем, – поддакнула Верка.

И они поехали домой.

Когда Денис молчал, он нравился Тане гораздо больше. Настоящий сельский Илья Муромец, неторопливый, обстоятельный и могучий. Она с уважением поглядывала на его плечи, ручищи и стеснялась. Но слово «сельский» являлось ключевым. Слова он складывал не по-книжному: мягко говоря, они у Дениса вообще складывались плоховато. Все свои мысли он доносил до Танюши в максимально простой и сжатой форме.

– Военным быть хорошо, – простодушно сообщил он на первом же свидании. – Оклад нормальный, жилье дают, паек положен. Льготы всякие. Хорошо быть военным.

Выдав эту закольцованную мысль, он с важностью посмотрел на Таню, и она немедленно сделала вывод, что Денис гордится и надо его похвалить за дальновидность.

– Нас у мамани пятеро, я домой не хочу, – поделился Денис, с аппетитом откусывая от мороженого громадные куски.

Этот стаканчик он вообще куснул только пару раз, после чего порция закончилась. Так же легко он помог Танюше, которая свой пломбир дооблизывала до того, что он потек. Вместо того чтобы выбросить, Денис ловко закинул себе в пасть остатки и в два приема дожевал.

Остолбеневшая Таня сразу принялась мысленно препарировать событие на составляющие. Это негигиенично. Он не брезгает доедать именно за ней. Экономный. Или жмот? Он тактично не стал обсуждать ситуацию.

Кавалер тем временем, совершенно не обращая внимания на вытаращенные глаза спутницы, простодушно развивал мысль:

– Мамазя заявила, что дома мы сопьемся, поэтому сказала, чтобы домой – только погостить. А так – крутитесь как хотите.

Денис был непосредственным, как ребенок. Но Таня никак не могла понять, хорошо это или плохо. С одной стороны, от такого, как утверждали девчонки, не будет никакой подлянки. С другой – а сможет ли она жить с таким? Тем более что ее Ромео без стеснения на ходу чесал все, что чесалось, и тыкал пальцем во все, что казалось любопытным.

Больше всего Таня боялась прожить жизнь скучно.

– Не скучно, это когда каждый день сюрпризы? – ехидно интересовалась Галка. – Сегодня тебе фингал, завтра цветы с извинениями, послезавтра у тебя полная кухня пьяных мужиков – друзья пришли. Не соскучишься. Или, например, сегодня он не ночевал, потому что у него зазноба какая-нибудь появилась, а завтра он приполз и снова с цветами. Таньк, живи скучно, а то устанешь веселиться. Особенно, когда дети появятся. Тем более если ему общагу дают. Тогда и вопросов не возникнет. Не уживетесь у вас, переедете к нему. Им полагается, я узнавала. И парень хороший. Если тебе не надо, то я отобью.

– Надо, – пугалась Таня.

Она не была уверена, что ей необходимо именно это. Ошметки книжных романов плотно засели у нее в голове и периодически некстати всплывали. Хотелось, чтобы было еще и красиво.

Денис красиво не умел.

На первом свидании он бесхитростно вываливал про себя все сведения, держал пионерскую дистанцию и даже в кино ничего лишнего не позволил. В общем, вел себя по-джентльменски. Таня уже предвкушала, как расскажет девчонкам, что они ошиблись, не все мужчины одинаковые...

Радоваться барышня поторопилась. Доведя ее до квартиры, Денис осмотрелся и наверстал все упущенное за день со словами: «Ну хоть тут народу нет, а то не мог же я при людях».

Свой первый поцелуй Таня представляла иначе. Конечно, книги про любовь очень мешают потом в жизни. Когда ждешь красивых слов, деликатных объятий и соответствующего антуража вроде шепота волн или шелеста пальм, то курсант с грацией медведя и напором гориллы может даже испугать. Видимо, учеба в училище и общение с нормальными, неиспорченными классической литературой людьми немного подготовила Таню к подобному стрессу. По правде говоря, это и стрессом-то назвать было нельзя, потому что ошутимо треснувшаяся затылком о стену Танюша даже не успела расстроиться. Оказалось, что можно и не только как в книжках. На обычной лестничной площадке, в окружении исписанных стен все тоже может быть сказочно.

– Ой, – только и смогла сказать Таня, когда оба устали целоваться.

– Фигура у тебя – класс, – сообщил Денис, который параллельно провел инспекцию Таниных прелестей. – Ладно, я побежал. Позвоню.

В квартиру она ввалилась с блаженным выражением лица, размазанной помадой и оторванной на блузке пуговкой. Домочадцы высыпали в коридор, словно встречающие на вокзале. Как будто у них других дел не было, кроме как ждать Таню со свидания!

– Доченька! – ахнула мама и прижала руки к груди. В ее глазах вопросов было больше, чем в летнем пруду головастика.

– Ну, ты даешь, – фыркнула Ольга. – Вот это экспрессия!

– А что взять с пэтэушницы? – презрительно поджал губы Анатолий Васильевич. – Допрыгалась. Спускаемся вниз по социальной лестнице. Погоди, мать, скоро соседи будут брезговать с нами здороваться. А как же – дочь проститутки – это тебе не абитуриентка консерватории!

– Пап, хватит! – Таня с чувством собственного достоинства продефилировала по коридору. Конечно, если тебе есть с кем целоваться в подъезде, ты уже, безусловно, взрослая. – Если у меня появился парень, это еще не делает меня проституткой. На тебя не угодишь. Университет – «куда поперлась?», ПТУ – сразу на панель записал. Ты определись уже. Одна абитуриентка консерватории у нас есть. Должна же я как-то уравновесить это счастье.

– Тань, а он кто? – робко поинтересовалась мама.

– Кто? – как всегда, порушил дипломатический ход беседы папенька. – Лимитчик какой-нибудь. Гопник. Или твой сопэтэушник – швей-моторист?

– Доктор наук. Интеллигентный пенсионер без материальных и жилищных проблем, – огрызнулась Татьяна.

Шокированные домочадцы затихли. Мама всхлипнула, Ольга округлила глаза, как филиппинский долгопят, а Анатолий Васильевич желчно поджал сухие губы.

– А нас с матерью он усыновит? – ехидно произнес он.

– Удочерит! – бросила Татьяна, скрываясь в ванной комнате.

Зеркало отразило ее счастливую мордашку и фиолетовый синяк на шее. В училище подобные синяки носили как ордена, но Таня пугливо подняла воротник, судорожно соображая, чем замазать подобную красоту. Надо полагать, что папина агрессия была вызвана именно этим.

– Я влюбилась, – сообщила Танюша нахально улыбающемуся отражению. – Вот так-то.

Жизнь непредсказуема, как полет шмеля в ураган – неясно, куда его задует в следующую секунду. Так и люди – летят, кувыркаются и только-только нацелятся на спасительную щель, как ветер меняется, и их уносит по новой, неизведанной траектории.

За полгода Денис надоел Танюше до зубовного скрежета. Как мужчина он был бесподобен, но кроме физиологических мужских функций партнер должен быть еще чем-то интересен. Выяснилось это просто. Однажды Таня поняла, что с ее красавцем совершенно не о чем поговорить. Он уже несколько раз рассказал ей все свои детские воспоминания, впечатления и планы на будущее. Планы были незамысловатыми: жениться, нарожать детишек и позвать в гости маманю, чтобы она убедилась, что сын молодец.

Показав ей небо в алмазах и сделав женщиной, кавалер стал проситься замуж. Причем не особо напрягаясь в формулировках.

– Давай поженимся! – говорил Денис с пугающей регулярностью.

А Таня так же регулярно блеяла в ответ, что она размышляет над его предложением.

– Тугодумка ты у меня, – ласково трепал ее по холке Денис. – Давай, думай скорее.

«Скорее думать» Тане не хотелось. Ее вообще пугали перспективы, связанные с Денисом. Мысль, что вот этот мужчина будет каждый день до самой старости маячить в ее жизни, казалась нелепой и абсурдной. Вообще при мысли о таком замужестве в памяти всплывала фраза из школьной программы про «бесцельно прожитые годы».

– Пора знакомиться с родителями, – однажды заявил Денис. Как всегда, сказал он это веско, обстоятельно и авторитетно. То есть не спрашивал, а именно констатировал, что, да, мол, пора.

– Зачем? – Таня испугалась. От данного мероприятия веяло безысходностью. Ее загоняли в мышеловку и заставляли жрать сыр, который ей был вовсе не нужен.

– Надо, – припечатал Денис. – Я же честный человек. Ты девушка порядочная. Нужно знакомиться с родителями и жениться. Моя маманя в принципе не возражает, теперь дело за твоими.

Возразить было нечего, хотя очень хотелось.

Мама начала суетиться еще накануне.

– Если мальчик деревенский, то он покушать любит, – хлопотала Александра Семеновна. – Военный – это хорошо. Военные, они надежные, здоровые.

– Ага, еще один нахлебник, – злобно заметил папа, остро отреагировавший на «здорового». Здоровые его злили. – Нам только кобеля с хорошим аппетитом не хватало. Пусть он на свой аппетит сам продукты покупает.

Дениса все уже не единожды видели в окно, но только сверху и со спины, поэтому облик будущего родственника давал поле для фантазии. Особенно увлеклась Ольга. Она даже изобразила нечто шкафоподобное и подарила сестре.

– Если бы намалевала черный квадрат, было бы точное сходство, – мрачно буркнула Таня.

– Почему?

– Потому что он как квадрат – незамысловатый и прямой.

– Какая прелесть, – с завистью протянула Ольга.

– Издеваешься?

– Нет, я тоже хочу простого и понятного мужчину. Рядом с творческой личностью должен быть партнер, твердо стоящий на ногах. А тебе, наоборот, больше подошел бы человек творческой профессии. А то вы со своим квадратным станете друг друга как балласт ко дну тянуть.

– То есть я, по-твоему, тоже квадратная?

– Нет, просто ты очень рациональная. Тебе нужен человек, который будет делать твою жизнь менее скучной. А то ты по прямой дороге чешешь, курсант твой тоже, а кто же вам цветочков по обочине насажает?

Отчасти Ольга была права. Таня и сама понимала, что без цветочков ее жизненный путь станет совсем блеклым. Денис мог только ехать впереди на тракторе, в котором в лучшем случае могло быть сено, а в худшем – навоз. Но вот себя она такой уж кочерыжкой не считала. Если Татьяна отказалась от мечты о филфаке, то это вовсе не означало, что теперь она грезит о карьере швеи в каком-нибудь цеху.

– Оль, он мне разонравился, – вздохнула Таня.

Кроме как с сестрой, поделиться было не с кем. Мама не поняла бы, потому что считала, что мужчина в жизни должен быть первым и единственным. Девчонки в училище тоже покрутили бы пальцем у виска: как же – такой шикарный кадр. Ну и что, что книжек не читает, зато плечи, рост и не пьет. А в свете того, что военным еще и общежитие какое-то обещают, Денис вообще считался мужчиной мечты.

– Как, совсем? – Ольга огорченно оттопырила губу и спохватилась: – Это ты из-за того, что я сказала? Да забудь! Он хороший. Большой, красивый. Наверняка характер у него спокойный.

– Индифферентный он. Равнодушный. Как болванка железная. Да, с таким жить – одно удовольствие. Что делать-то? – Татьяна схватилась за голову. – У меня такое чувство, что я с горы лечу, впереди столб – я прямо на него, а затормозить не могу.

– Слушай, если твой жених представляется тебе столбом, об который размажешься вдребезги, то это совсем грустно, – резюмировала сестра.

– Лель, мне уже давно грустно. Ну как я ему скажу, что все? Он же как ребенок. Жаль его, дурака. Но и жизнь свою из жалости я портить не готова. Он такой скучный, ты даже не представляешь.

– Зато папа у нас не скучный, – напомнила Ольга. – Интеллигентный, политикой интересуется, всю классику перечитал, во всех музеях побывал. И теперь, в результате его интеллигентности, мама вся седая. Телевизор от его воплей выключается, когда папаня с ним в процессе новостей пререкается. И дочь-художница – позор семьи. Захребетница, спиногрызка! Кстати, если бы я пошла в маляры, его и это не устроило бы. У интеллигентного человека дочка-пэтэушница! Я так думаю: мужчина должен быть, во-первых, здоровым, во-вторых, спокойным, в-третьих, чем проще, тем лучше.

– Лелька, у тебя простого еще не было. Ты не представляешь, как это жутко, когда человек, словно пришелец с Марса. Он вообще другой. Оживляется только в темах про силос и зерновые. И ржет над такими анекдотами, которые я даже не понимаю. То есть все слова понятные, а почему он ржет – неясно. В общем, с ним – как в анекдоте: «Вы любите Кафку? – Да, особенно гречневую!»

– Не преувеличивай, – мягко улыбнулась Оля. – Давай сегодня мы с ним познакомимся и тогда подумаем, что и как.

– Как бы они с папаней не подрались. Вернее, как бы папаня не подрался с ним. Заодно, может, поссоримся, и вопрос решится сам собой. – После этой мысли Таня повеселела и начала готовиться к приходу жениха.

Денис явился в форме, наутюженный и сияющий. Мама с Ольгой уставились на него, как папуасы на космический корабль. Таня раздраженно толкнула обеих в спину, чтобы привести в чувство.

– Все не так, как вам кажется, – прошипела она Ольге в затылок и шагнула к кавалеру. – Познакомьтесь, это Денис.

– Вот, я цветы принес, – пробасил он и выудил из большого полиэтиленового пакета ветку мелких гвоздичек в целлофане. – А это для мужчин!

Он торжественно потряс перед носом папани здоровенной бутылкой водки.

– Выпить любите? – вкрадчиво поинтересовался Анатолий Васильевич.

– А кто ж не любит? – широко улыбнулся будущий зять и дружески треснул папеньку по хребту.

– Я не люблю. В нашей семье не пьют, – злобно закашлялся папенька.

– Не пили, – поправил его Денис и стал разуваться. – Тапочки у вас есть? Хотя я могу и босым.

Старые папины тапки вызвали у Дениса приступ здорового хохота. Он радостно ржал, прикладывая тапок к своей ножище, и мотал башкой. Тапок был ему размеров на пять мал.

– Ну, босым буду, – отсмеявшись, успокоился кавалер и под зачарованными взглядами семейства стащил носки.

– Чтобы не обтрепались, – простодушно пояснил он и пошлепал на свет и запах еды – в гостиную.

– Вот, присаживайтесь, – засуетилась Александра Семеновна. – На диван лучше.

Мама ловко выдернула табуретку из-под прицелившегося на нее гостя, справедливо рассудив, что такого лося мебель не выдержит. За столом Денис смотрелся необычайно колоритно, как Гулливер в гостях у лилипутов. Под мамин лепет про погоду он сразу ополовинил все миски с салатами и стал закидывать все подряд в рот, как в топку.

– И какие планы? – не выдержал папа. То ли он жалел продукты, то ли решил расставить все точки над «і».

– Не, не бойтесь, я ночевать не останусь, – отреагировал Денис, подцепив сразу несколько кусков колбасы и подпихнув их в рот пальцем.

– Я и не боюсь. – Анатолий Васильевич угрожающе прищурился. – Ты давай, говори по делу. Знакомиться пришел – познакомились. Дальше что?

- Жениться буду, – бесхитростно поведал гость.
- А родительское благословение?
- Мамка не против, – прояснил ситуацию Денис. – Таня тоже.
- Что «тоже»? – взвился будущий тесть. – А меня спросили?
- Так вот я пришел спрашивать.
- Ну и спрашивай!
- О чем?

Таня вдруг истерически расхохоталась и выскочила из комнаты.

- Нервничает, – с чувством превосходства улыбнулся Денис.

Он не нервничал. А чего переживать, когда все ясно? Тем более что в квартире и комнате: одна им с Таней, одна родителям и одна Танькиной сестре. Денис покосился на будущую родственницу: у сестры фигура сдобнее, чем у невесты...

- Ты чего вообще? – Анатолий Васильевич пододвинул салатницу с оливье поближе к себе и недобро уставился на Дениса. – Рассказывай нам: где работать будешь, сколько зарабатывать, на что жить собрались, где жить... Нечего тут зря продукты переводить. А то, может, вас там кормят плохо, так ты каждую неделю женихаться к кому-нибудь ходишь?

- Странные вы какие-то. – Гость откинулся на диване. – Я, можно сказать, по-честному пришел. У нас в деревне родители бы в пояс кланялись, что девку замуж берут – мужиков нормальных нет...

- Это у вас в деревне нет! – взвизгнул папашка. – А у нас тут в городе, как тараканов в коммуналке – дихлофоса на всех не хватит! В пояс я ему должен кланяться, ишь ты!

Таня, затаив дыхание, замерла в коридоре. Интуиция подсказывала ей, что обидеть Дениса у папеньки не получится, но надежда умирает последней.

- У нас петух такой у мамани был, – неожиданно добродушно улыбнулся Денис. – Характер – гадский. Сам себя к вечеру закусывает.

- Ты это к чему? – напрягся Анатолий Васильевич.

А Таня впервые заподозрила, что кавалер не так уж прост. Либо у него случаются проблиски интеллекта.

- А теперь горячее! – испуганно воскликнула мама. – Танюша, ты где? Помоги мне с горячим!

Ольга сидела и, загадочно улыбаясь, тарасилась на Дениса. Он в долгу не остался, правда, тарасился он не на саму Ольгу, а на вырез ее кофточки.

- А хотите, я вам свои картины покажу? – смущенно предложила она, одернув блузку, от чего вырез стал еще менее приличным.

- Погоди с картинами! – грохнул кулаком папашка. – У нас тут не музей. Ты мне говори, какие планы?

Планы оказались грандиозными, но озвученными со свойственной Денису краткостью.

- Короче, так. – Он шлепнул ручищами по коленям и стал загибать пальцы. – Продукты с маманиного огорода будут, но в отпуске надо будет ей помогать. После свадьбы дадут общежитие, я узнавал. Только надо забеременеть быстрее...

После этих слов вернувшаяся с горячим Таня начала икать. Попытки вдохнуть, проглотить корочку и прочие народные способы успеха не возымели. Она так и сидела, сотрясая диван, пока любимый перечислял перспективы на будущее.

- Свадьбу делать скромную, но гостей позвать побольше и сказать, чтобы деньги дарили. Нам на ребенка они понадобятся, на мебель. Свадебное путешествие – к мамане, там еще раз свадьбу сыграем, снова гостей позовем, опять же – с подарками. Профессия у Тани хорошая, не пропадем. Платье можно из занавески сшить. Мне костюм не нужен, я в форме могу. Жить станем тут, у вас. Надо сейчас решить, кому какая комната. Мебель перетаскать – я ребят с училища позову. Вот.

Именно так и вторгается в ажурные девичьи мечты суровая реальность в кирзовых сапогах.

Танюша вяло ковырялась в тарелке, краем уха слушая, как подобревший неизвестно с какой стати отец вспоминает молодость. Судя по рассказам, молодость у него была тяжелая, голодная, чего он и желал теперь следующему поколению. Исходя из папенькиной логики, только из настрадавшегося вдоволь молодняка вырастают дельные люди.

После водки пили чай, а затем Ольга потащила жениха смотреть картины.

Денис неожиданно восхитился и начал поглядывать на будущую родственницу с уважением и даже благоговением.

– А это че? – тыкал он пальцем в хитросплетение дрожащих линий.

– Весна, – радостно подпрыгивала Ольга. – Нравится?

– Офигеть! – кивал Денис и топал дальше.

Повторяя свое излюбленное словечко «офигеть», он прошелся по комнатам и после просмотра экспонатов вернулся к папеньке со свежей мыслью:

– Нам хорошо бы в той крайней комнате поселиться. Чтобы не в проходной. А то дело молодое, да еще ребенка надо побыстрее заделать. В общем, чтобы мы никому не мешали, лучше там.

Когда Денис, налобызавшись с Анатолием Васильевичем и утешив всплакнувшую от избытка чувств мать, ушел, Таня разревелась.

– Да ты чего? – удивилась ее сестра. – Отличный парень. И не обидчивый. В живописи разбирается. Вежливый. Даже с папой не поругался. А главное, красивый.

– Лель, ты считаешь, что это главное? – возмущенно шмыгала Танюша. – Ты дура или прикидываешься? Это же жуть какая: платье из занавески, в отпуск – в деревню, на огород! Он мне всю жизнь до гробовой доски расписал! Я лучше повешусь, чем так жить буду! Убожество!

– Таня, ты с ума сошла? Да на него даже просто смотреть – удовольствие! А какие руки? У меня просто сердце останавливается, когда я вижу мужчин с такими руками. А фигура? А глаза? Он как киноартист. Слушай, а как он целуется?

– Как пылесос, – мрачно поджала губы Таня.

– Неужели? – с придыханием подалась вперед Ольга. – А... остальное как?

– Оль, тебе мужика надо, чтобы ты так от первого встречного не впечатлялась. Угомонись. Не знаю я, как он. Мне сравнивать не с чем. Но одно я знаю точно: плечи в жизни не главное. И с мужиком жить придется. Его на стену не повесишь, чтобы любоваться.

– А я бы любовалась, – заметила Ольга.

– Чего? – Таня с подозрением уставилась на сестру. – Ты в Дениса втюрилась?

– Так ты же его не любишь! – с вызовом бросила Ольга и замахала руками: – Все-все, забудь! Он просто красивый. Я все понимаю – он твой жених...

– Значит так, Леля! Сегодня я осознала, что он чей угодно жених, только не мой. А то меня как корову на бойню ведут, а я даже не сопротивляюсь. Еще немного, и из меня получилась бы колбаса. Или фарш. А ты глазами не хлопай. Когда накувыркаешься и удовлетворишь физиологические заскоки, станет ясно, что дальше – пустота. А в пустоте всю жизнь болтаться – на фиг надо. Забудь про него. Я тебе точно говорю – хреновый из него муж. Ему нужна простая деревенская девка. А не я и не ты со своими картинами.

– Тебе жаль, что ли? – усмехнулась Оля. – Если он тебе не нужен, какая тебе разница с кем он будет?

– Никакой. Если только эта другая не ты!

– А почему?

– А потому! Ты – моя сестра. И мне не все равно, в какой луже ты собираешься утопить свою жизнь! Он тебе не пара!

– А тебе откуда знать?

– Я с ним полгода проваландалась. И только сегодня окончательно поняла, что нужно не его жалеть, а себя. Переживет. У него психика устойчивая. Даже с папаней не сцепился. Ишь, ребенка надо скорее делать! Да я вообще все иначе планирую. Мне не надо ребенка, я замуж не тороплюсь! Хочу закончить училище, набрать клиенток, шить на дому, потом ателье открыть... В какое болото жизнь забросила, там и нужно барахтаться. Раз я царевна-лягушка, то следует строить дворец на своей территории. Я ему покажу платье из занавески!

– Чего ты к этому платью привязалась? – примирительно протянула Ольга. – Он же все правильно рассудил. Лучше отталкиваться от реальных возможностей, а не строить замки на песке.

– Ой, как ты резко поумнела, Леля! – с сарказмом констатировала Танюша. – Так, может, перестанешь уже бумагу портить и пойдешь маляршей? Ну, отталкиваясь от реальных возможностей!

– Во-первых, у меня реальные возможности несоизмеримо выше...

– Ну-ну. Вероятно, несоизмеримо выше относительно меня.

– Тань, я этого не говорила. А во-вторых, отталкиваться от реальности должен мужчина, чтобы женщина рядом с ним могла жить в песочном замке. Или летать на облаке. Просто мечтать.

– Ты бестолковая! Тебе же ясно сказано – надо ребенка делать по-быстрому! А ты раз-мечталась – облака, замки.

– Одно другому не мешает! Нельзя смотреть на жизнь однобоко.

– Что-то мне подсказывает, что ребенок тебе сильно помешает. И с облака тебя такой, как Денис, быстро за ногу сдернет. Бегом побежишь удобрять его картофельные поля, фея!

– Ничего ты не понимаешь!

– Да куда мне!

– Девочки, вы что там ругаетесь? – В комнату заглянула мама.

– Таня не хочет замуж за Дениса! – наябедничала Ольга.

– Танюша, как это? – охнула мама и схватилась за сердце. – Почему? Такой мальчик серьезный, красивый, здоровый!

– Слушайте, у нас в семье назревает явное недопонимание! – обозлилась Татьяна. – Вы обе считаете, что муж должен быть как племенной бык – крупный, здоровый осеменитель с минимумом мыслей в рогатой башке?

– Почему рогатой? – опешила мама.

– Потому что я ему эти рога наставлю! С таким бараном я жить не смогу!

– Ты уж определись, бык или баран? – проворчала Оля.

– Я смотрю, ты на него глаз положила!

– Девочки, вы что такое говорите? – Александра Семеновна стала обмахиваться передником.

– А то! – Таня обличающе ткнула в Ольгу пальцем. – Похоже, Леля у нас замуж вместо меня пойдет!

– А тебе жаль?

– Да мне плевать!

Ночью, ворочаясь с боку на бок, Таня поймала себя на мысли, что Денис хоть и не мужчина ее мечты, но отдавать его жаль. Как сумочку, которая и к костюму не подходит, и фасон неудобный – но деньги-то заплачены. Денис стал в некотором роде ее собственностью. Да и другого у нее пока не предвиделось.

Когда он пришел на следующий день, Таня даже не вышла из комнаты.

– Лель, иди скажи, что я заболела! – Она начала выпихивать Ольгу в коридор.

– Ты просто сегодня с ним не хочешь никуда идти или вообще? – уточнила сестра.

– Вообще! Но к разговору я не готова!

– Тань, а если я...

– Да пользуйся, – великодушно махнула рукой Татьяна.

Ее парившая в облаках сестрица, похоже, искренне полагала, что можно вот так запросто сделать подобную рокировку. О том, что Денис любит конкретную девушку и не собирается ее ни на кого менять, эта дурища даже не думала.

Таня презрительно хмыкнула, прислушиваясь к голосам, бубнившим в коридоре. Наконец все стихло, дверь хлопнула.

– Ушел? Что сказал? – высунулась в коридор Таня.

В квартире было пусто.

– Лелька! – крикнула Татьяна.

Сестры дома не было.

Метнувшись к окну, Танюша с изумлением увидела, как ее Денис гордым индюком вышагивает рядом с Ольгой. А та семенит рядом и заглядывает ему в лицо.

Совсем как Таня. Когда-то давным-давно.

– Какая все-таки жизнь – поганая штука. – Татьяна стиснула зубы и зажмурилась. – Ну и ладно! Сама разберется, что к чему.

Ольга не разобралась. Она стала пропадать по вечерам и по выходным, краситься, наряжаться и даже забросила свои картины.

– Хоть краской не воняет, – желчно усмехался Анатолий Васильевич. – И то польза.

– Толик! – одергивала его мама, поглядывая на Таню, ссутулившуюся над швейной машинкой.

Она набрала заказов и любую свободную минуту шила. Уже появились своя клиентура и деньги. Последнее было очень важно, потому что лекарств отцу надо было все больше, а мама начала сдавать.

– Да мне наплевать, – отмахивалась Таня.

Это было неправдой. Ей было больно. А еще – непонятно. Что такого с ней произошло? Это первое предательство? А если да, то кто ее предал: сестра или любимый человек? Да и был ли этот человек любимым?

Ведь если подумать, она сама выписала Ольге индульгенцию. Только потеря оказалась неожиданно острой. Иногда Таня ловила себя на том, что злорадно ждет, когда и сестра разочаруется в их общем мужчине. И вот тогда можно будет с превосходством воскликнуть: «Я же говорила!»

Лелька бесила ее. Наверное, точно так же муравья раздражала стрекоза. Жизнь пошла совсем не так, как хотелось. Безмозглая, беспечная Ольга сияла, порхала и радовалась. А замученная, усталая и все правильно делающая Татьяна пахла, как раб на галерах. И вроде вышло, что в перспективе Ольга огребет по справедливости за всю свою беспечность, а Танюша будет вознаграждена за труд и загубленную молодость. Да только жили-то они обе сейчас. А как раз «сейчас» все выглядело чудовищно несправедливо.

Самое грустное то, что Таня осознала: никакой любви нет. Куда ни глянь вокруг – люди терпят, притираются, выгадывают что-то, меняют партнеров, как мелочовку на блошином рынке, снова пытаются как-то приладиться... Наверное, в книжках для того все и придумывали про красивые, высокие чувства, чтобы жить совсем не расхотелось.

И то, что у Ольги эта любовь была, казалось Танюше сиюминутной блажью, миражом. Еще немного, и он рассеется. А Лелька останется одна в пустыне выжженных чувств и надежд.

Ольга, возвращаясь с распухшими губами, всякий раз воровато шмыгала мимо Тани, виновато втянув голову в плечи. Ей было стыдно за свое счастье. Но самое удивительное, что это счастье было. Оно плескалось в ее глазах, лучилось и затапливало все вокруг.

Однажды Таня случайно увидела, как Денис нес Ольгу на руках. Она возвращалась из аптеки, куда пришлось бежать бегом – у отца снова случился приступ. И вдруг на дорожке у дома увидела этих двоих. Денис танцевал! Он кружился, а на его руках тихо смеялась Лелька. Денис, ее Денис, увалень, плохо складывающий слова и по интеллекту находящийся в пищевой цепочке чуть выше гуся, ворковал что-то бесконечно длинное, совершенно невыносимое для его скудного словарного запаса.

Такого просто не могло быть. Во всяком случае, у Тани с ним, да и ни с кем другим, ничего подобного не было. И, если задуматься, разве можно всерьез воспринимать чувства мужчины, который так легко поменял одну сестру на другую? Нет, это опять какой-то обман. Ошибка. Мышеловка судьбы.

«Не будет любви, так хоть деньги будут», – мечтала Таня. Но в отличие от наивных сокурсниц она не рассчитывала на то, что однажды к ней на вертолете прилетит богатый принц и увезет во дворец у моря. Она точно знала: никакого принца никто не дожидается, а время пройдет. Поэтому надо строить замок своими руками, ни на кого не рассчитывая и не надеясь. Тем более нельзя полагаться на мужчин. Все они одинаковые. Каждый в той или иной степени практичен, как Денис. И каким бы чудесным он ни казался, наступит момент, и он озвучит свои нехитрые планы. И окажется, что никакой рядом с тобой не принц и твои мечты он осуществлять не станет. Вернее, он будет осуществлять свои мечты – незамысловатые и не имеющие ничего общего с твоими.

Однажды Таня проснулась от странных звуков. Сон никак не хотел отпускать ее, размазывая окружающий мир в кляксу пастельных тонов. Она не могла сфокусировать взгляд на часах. Да еще эти звуки... Кровать Ольги была пустой.

Таня вышла в кухню. Мама уже суетилась у плиты, а папенька смачно прихлебывал чай, поглядывая в телевизор. Новостей еще не было, поэтому Анатолий Васильевич не начал пререкаться с бездушным ящиком, а зрел для очередного монолога.

– А где Лелька? – зевнула Таня.

– Отравилась. Жрать надо меньше и краску свою ядовитую нюхать, – оживленно включился в дискуссию папенька. – Тошнит их, господ! Не того откусывать изволили!

– Ой! – Танюша плюхнулась на табурет и беспомощно посмотрела на маму, отвернувшуюся к плите. Даже со спины было ясно, что Александра Семеновна расстроена. – Мама?

– Что? – Она повернулась, с раздражением бросив ложку в раковину. – Вот такие дела!

– И что теперь? – прошептала Таня.

Подобного поворота событий она не ожидала. Конечно, был еще крохотный шанс, что сестра все же отравилась, но интуиция подсказывала, что жизнь подкинула им очередную подлянку.

– Активированного угля пусть пожует, – хмыкнул папенька. – Чего всполошились-то?

Обе женщины уставились на Анатолия Васильевича.

– Чего вылупились? Чего я такого сказал? – Папаня дернул тощей шеей и прибавил громкость в телевизоре. Начинались новости.

Для Ольги наступил час расплаты, но Таню это совершенно не радовало. Даже если отметить моральный момент, что она не отговорила сестру от авантюры с Денисом, то материальная сторона вопроса придавливала своей безысходностью.

Сестра вывалилась из ванной комнаты совершенно обессиленная, но со счастливым лицом. И тут Таня не выдержала. Она еще поняла бы, если бы эта дура все осознала, рыдала, билась в истерике и просила помощи! Так нет же. Ольга сияла, как новая копейка. Причем на ее глупой физиономии было столько довольства жизнью, превосходства, таинственности и торжества, что хотелось прибить эту невменяемую дуру немедленно.

– По какому поводу радуемся? – свистящим шепотом, как приготовившаяся к прыжку кобра, поинтересовалась Татьяна.

– Угадай! – звонко рассмеялась Ольга.

Папаня, впервые в жизни видевший, чтобы человек так радовался поносу, даже убавил звук и с интересом уставился на дочь.

– Боюсь, я уже угадала. – Таня в бешенстве принялась рвать салфетку, методично располосовывая ее на тонкие ленточки. – Только мне кажется, что вмняемый человек в твоей ситуации должен вести себя иначе.

– Я беременна, – все тем же дурашливым, звонким голосом оповестила собравшихся Ольга. Можно было бы списать ее восторг на истерику, но истерикой тут и не пахло. Лелька была счастлива!

Даже папенька не нашелся, что сказать. Все молча разглядывали улыбающуюся Ольгу.

– Трагическая пауза затянулась, – хихикнула будущая мать. – Вы не рады?

– А кто отец? – спросила Александра Семеновна.

– И какие планы у этого отца? – поинтересовался папенька.

– Денис, конечно. Только он пока не знает. Я ему сегодня скажу, – прошептала Оля и цапнула колбасу. – Есть хочется – ужас.

– Для того, чтобы есть, – тихо произнесла Таня, – надо на продукты зарабатывать. А еще, видимо, тебе понадобятся витамины? А потом приданое для ребеночка? Коляски-кроватки-пеленки? И жить вы собираетесь тут? Орать по ночам, завешивать всю квартиру ползунками? И мне, вероятно, придется жить в проходной комнате?

– Ты же собиралась отселить меня в проходную, когда планировала свою свадьбу, правда? – внезапно продемонстрировала проблеск сознания Ольга.

– Да, только я не планировала детей, если помнишь. Потому что мне это не по средствам. Это создало бы невыносимые условия жизни для всех остальных, – в бешенстве проговорила Татьяна. – Но ты, видимо, представляешь себе все как-то иначе? Или ты продолжаешь думать, что колбаса растет в холодильнике, а деньги размножаются делением по ночам?

– Нет. Но дети – это счастье. Правда, мама? – Ольга уставилась на мать.

– Да, особенно такие, как ты! – рявкнула Таня. – Третий десяток, а ум как у пятилетней! На что вы жить собрались? По-моему, Денису еще год учиться! И денег у него – только на кино раз в месяц! Я понимаю, если бы вы просто поженились! Не надо так на меня смотреть, я давно уже вычеркнула его из списка переживаний. Я просто хочу понять, вы на что рассчитывали? Он о чем думал?

– Он пока не знает, – напомнила Ольга.

– Если бы еще от его незнания что-нибудь рассасывалось само собой! – взвизгнула Таня. – Дрянь ты! Я вообще жить перестала. Я к этой машинке скоро прирасту! Я только учусь и зарабатываю, на всех! И мама! А ты чего? Лошадь здоровая! Шла бы хоть подъезды мыть, раз больше ничего не можешь! Ладно тебя кормить! Но еще твоего мужика и ребенка? Ты не заметила, что я из дома только в училище ухожу? Не живу, а существую. Чего ради? Я тебе должна что-то?

– Ну, Танюш, не злись, – примирительно просюсюкала сестра. – На первых порах с ребенком всегда тяжело. Да, сейчас придется поднапрячься, но ребенок же вырастет. И станет легче! Когда ты будешь рожать, я тебе тоже помогу. Тем более что и вещи от моего ребеночка твоему перейдут. И коляску с кроваткой на балконе похраним...

– Да? Надо поднапрячься? – Таню колотило от бешенства. – А как именно ты планируешь поднапрячься? Или ты про меня?

– Я буду носить его, чтобы родился здоровеньким. А ты нам приданое сошьешь.

– Из занавески! Ты даже не представляешь, как я тебя сейчас ненавижу!

– Доченька, – испугалась мама. – Ты что? Не говори так!

– Эта иждивенка просто живет за мой счет. И за твой, мам, тоже! Ей третий десяток, а мы ее кормим, одеваем! А теперь, вместо того чтобы взяться за ум и хоть как-то начать зарабатывать, она нам в подоле принесла!

– Почему вам? – обиделась Ольга. – Ты-то тут при чем?

– Да иди ты, юродивая! – Татьяна сбросила обрывки салфетки на пол и с ожесточением пнула их под стол.

– Я не понял, – наконец-то вступил в разборки папа. – Это чего? Об чем речь вообще?

– Счастье у нас, батя, – усмехнулась Татьяна. – Внук у тебя появится. Теперь мы с матерью будем и тебя кормить, и дебилку эту – гения непризнанного, и жениха моего бывшего, и ребеночка их!

– Таня, какое ты имеешь право так говорить? – Ольга попыталась изобразить оскорбленную невинность, но тут внезапно вмешалась мама:

– Олюшка, а Таня давно больше меня зарабатывает. Она почти в одиночку нас содержит. Всех. Надо было посоветоваться.

– Мам, о чем советовать? Когда Танька собиралась замуж, вы только радовались. А как я, так сразу все плохо?

– Девочка моя, так Таня сама себя обеспечивала бы. Она имеет право сама решать. А ты за нас все решила. – Мама бессильно привалилась к подоконнику. – Да что уж теперь-то?

– Да, – обрадовалась Ольга. – Теперь уже все. Я беременна. Надо принять это как данность. Никто не виноват, что так случилось.

– Никто? – возмутилась Таня. – А что, контрацептивы отменили? Или аборты запретили? Знаешь, милочка, пора взрослеть! Раз уж ты у нас будущая мать, то сама и выкручивайся. У тебя теперь муж будет. Кстати, а будет? А то вдруг он тоже... Хотя он сам хотел ребенка побыстрому сделать. Наверное, у них в деревне это проще. Знаешь, Оль, а это вариант. Езжай-ка ты в его Верхние Утюги или Нижние Пупыри. И там на свежем воздухе жри экологически здоровую пищу и малюй свои шедевры. Точно! – Таня даже повеселела. – А потом твой разлюбленный муж пробьет общагу и заберет тебя от мамки еввойной, если она до того граблями тебя, дуру юродивую, не пришибет.

Тане, как человеку рациональному, казалось, что угроза ссылки в деревню такую фифу, как Ольга, напугает. Но Лелька была настолько далека от реальности, что искренне обрадовалась такому варианту.

– Да, – покачала головой Татьяна. – Сочувствую я Денискиной маманьке. Вот ей счастье-то привалит. Хотя при правильном воспитании, коего ты тут не получила, вероятно, она сделает из тебя человека.

Дежавю – это когда твой жених приходит повторно, но сватается уже не к тебе, а к твоей сестре.

Таня боялась, что поведет себя как-то не так. Нет, любви не было, но странный, тягостный осадок мутной кашицей давил на сердце. Противно. Даже не противно, а не по себе.

– Все будет хорошо. – Мама обняла ее и погладила по голове, поправив тяжелую косу. – Все наладится, Танюш.

Они снова суетились в кухне. А Ольга, как неприспособленная к хозяйству, болталась у окна в ожидании жениха.

На сей раз Денис явился с пустыми руками.

– Будем считать, что все формальности мы соблюли в тот раз, – радостно улыбнулся он и добродушно посмотрел на Таню. – Цветы дарил, руку просил, о планах рассказал. Теперь, раз так все хорошо сложилось, надо свадьбу обсудить.

– Да уж, сложилось все – зашибись, – усмехнулась Татьяна.

Его крестьянская рациональность была чудовищной. Действительно, зачем два раза на цветы и водку тратиться? Ей сразу полегчало, и на идиотский вопрос Дениса: «Без обид?», она кивнула. Какие уж тут обиды? Повезло еще, что судьба пронесла ее мимо этого красавчика.

Когда будущий зять насытился, подьев все, что было на столе, перешли к основной цели визита. Папенька сдвинул очки на кончик носа, достал лист в клеточку и выжидательно уставился на Дениса. Тот смотрел на него и тоже чего-то ждал. Так сходятся борцы, молча приглядываясь друг к другу.

– С чего начнем? – первым не выдержал Анатолий Васильевич. – Стол накрываем?

– А как же, – развел руками Денис. – Только надо экономно. Поэтому накроем здесь, без кафе там всяких. Нужно по соседям пройтись, столов попросить. Комната большая, подумаем, как ставить мебель, чтобы больше народу поместилось.

– Ну да, мы помним, – не выдержала Татьяна. – Больше народу – больше подарков.

– Не встречай, – нахмурился отец. – Без тебя разберемся.

– Ладно, – кивнула Таня. – Если без меня, то я даже рада. Раз оплата банкета за счет жениха...

– Почему? – удивился Денис. – Напополам.

– Ага, правильно. Интересно, какой «пополам» ты планируешь высчитать со своего будущего тестя, который не работает и не зарабатывает? А вся его пенсия уходит на лекарства и врачей.

– Не дерзи! – шлепнул ладонью по столу отец. – Возьмем из общих денег на хозяйство.

– Правда? – обозлилась Таня. – А кто их туда кладет, общие-то? Ты? Или, может, невеста наша на сносях?

Папашка затих. Возразить было нечего.

– Можно подумать, ты всю семью кормишь, – примирительно прогудел Денис.

– Именно так и есть, – сухо произнесла Таня. – Поэтому счастьем я вашему, конечно, рада, но хотелось бы, чтобы вы все же обошлись без меня в своих расчетах. Если ты собрался жениться, ребенка соорудил, то, будь любезен, рассчитывай только на себя.

– Он на себя и рассчитывает! – вспыхнула Оля. – Мы все сделаем очень скромно.

– Даже на «очень скромно» нужны деньги, – напомнила Таня. – Ты же, небось, белое платье с машиной захочешь?

– Ну, платье ты сошьешь, – пожала плечами сестрица. – Машину арендуем недорогую.

– Хороший план. Особенно мне нравится, что я, оказывается, тоже в нем задействована. И много ты на этот дивный план денег отложила? Ну, хотя бы на тряпку для платья? Или ты думаешь, что мы на это дело туюль из гостиной пустим?

Ольга насупилась и обиженно отвернулась.

Наверное, Денис впервые пожалел, что выбрал ее, а не Татьяну. Во всяком случае, в его глазах мелькнуло что-то такое, от чего Тане полегчало. А потом ей вдруг стало стыдно. Она внезапно осознала, что не желает молодым счастья. Эти два инфантильных придурка рано или поздно разбегутся, и останется маленький, сопливый комочек, которому нельзя будет сказать, чтобы он тоже разбирался со своими проблемами сам, потому что у него такие родители. У комочка будет тетка. И этой теткой будет она. И она просто станет тащить на себе плод совместной любви своей бестолковой сестрицы и бывшего жениха. Перспектива – зашибись!

– Слушайте, я одна тут понимаю, что проще сделать аборт, а детей заводить, когда вы на ноги встанете? – поинтересовалась Таня.

– Аборт – грех! – ахнула Ольга.

– Грех – душой такой быть и за дурака замуж бежать! – крикнула Татьяна. Ей было тошно. Конечно, грех. И не ей решать. И даже хорошо, что не ей.

– Давайте обсудим свадьбу, – вернул всех к началу дискуссии Денис. – Значит, платье шьет Таня...

– Стоп! – Таня потерла лицо и бессильно махнула рукой. – Тряпка на платье – с тебя.

– Ты можешь подарить его нам на свадьбу, – предложил Денис. – Тогда деньги можешь не дарить.

– Заметано, – хмыкнула Таня. Жених был ужасен в своей бесконфликтности и приземленности. Похоже, Ольга уже вляпалась, и ее можно лишь пожалеть.

– Спиртное – маманя самогона привезет. Мясо надо еще. Это я не знаю. Кабанчика она может и отказаться колоть. Дорого это слишком. Она его всю зиму ест и продает еще.

– Ну, свадьба раз в жизни бывает, – нахмурился будущий тесть. – Может и пожертвовать мясом-то.

– Нас у мамани пятеро, – напомнил Денис. – У нее не свиноферма, чтобы каждому по кабанчику дарить. Да еще самогон она повезет. Не, не пойдет...

С этих слов начался ожесточенный торг, в суть которого Таня уже не вслушивалась. Она смотрела на блаженно улыбавшуюся сестру и тихо возмущалась.

Правильно говорят: где дуракам жить легко, там умные мучаются.

Свадьба напоминала зарисовку из рассказов Зошенко. Гости перепились, беременную невесту тошнило, новоиспеченная свекровь чуть не подралась с тестем, а родственники молодого агитировали городскую родню приехать к ним в село на побывку по схеме «вы – к нам, мы – к вам».

Таня в тоске смотрела на толчею. По плотности народа на квадратный метр мероприятие напоминало поездку в метро в час пик. Жених носился с ползунками, выкачивая из гостей калым. Потом украли невесту, но пока какой-то троюродный дядька говорил прочувствованный тост о войне и ветеранах, про Ольгу благополучно забыли. И вспомнили лишь через несколько тостов на вопле «Горько!».

– Блин, точно! – хлопнул себя по высокому лбу молодой муж и снова двинулся с подносом по гостям.

В процессе подсчета денег про невесту опять забыли, поэтому она, устав сидеть у соседки, вернулась сама. Гостей выпроваживали уже за полночь. Деревенская мамка, прикатившая здоровенную бутылку самогона за три дня до свадьбы и облюбовавшая диван в гостиной, улеглась, не дожидаясь, пока все разойдутся. Молодые легли в бывшей комнате сестер. Братья Дениса, как на подбор, красавцы, гордо именовавшие себя «деверьями», спали вповалку в разных частях квартиры. Они отбывали в царство Морфея поочередно, в зависимости от степени выпитого и усталости.

Таня с любопытством посмотрела на последствия вакханалии и свалку из новых родственников.

– Прибраться надо, – приоткрыв глаз, пробормотала маманька. – Не то мышь понюхает, все выбросить придется.

– Валентина Захаровна, это вы мне? – вежливо уточнила Татьяна.

– А кому ж? – Гостья натянула одеяло повыше.

– У вас невестка работающая. Вот встанет утром и уберет. Праздник закончился, – объявила Таня и отправилась к родителям. Все равно спальных мест в квартире не было, поэтому в чьей комнате спать на полу, не имело значения.

Утро началось с того, что похмельный папенька наступил на Татьяну.

– Ты чего тут? – Он тоскливо шмыгнул и деликатно дыхнул в сторону.

– Сплю я здесь. И если гостей не выпереть по месту их прописки, то я еще долго буду спать, как болонка на коврике.

– Выпрем, – пообещал папа.

Но, как выяснилось, он погорячился.

– Мы теперь все – одна семья, – пояснил за завтраком Денис. – Поэтому моя родня – ваша родня.

– И чего? – напрягся Анатолий Васильевич, с неудовольствием поглядев на братьев, упле- тавших остатки свадебного пиршества. Русоволосые, плечистые красавцы, сидевшие рядом, выглядели устрашающе.

– Пока вместе проживем, а там определимся. Места всем хватит.

– Мне домой надо, – сурово отрезала Валентина Захаровна. – У меня хозяйство тама.

– То есть теперь мы к вам? – с любопытством спросила Таня.

– Нечего вам у нас делать. Сугробы одни. В апреле приезжайте, на посадки.

– Почему в апреле? Мы вот на семейном совете решили, что Ольге свежий воздух нужен. Забирайте. – Татьяна щедрым жестом повела рукой в сторону сестры, налипшей на плечо молодого мужа. Оля поглаживала супруга по волосам и за время завтрака уже начесала ему при- личный гребень.

– Возьму, – кивнула Валентина Захаровна, правда, без восторга.

Невестка ей не понравилась. Особенно после того, как выяснилось, что профессии у нее нет, зато есть блажь, выражавшаяся в размалеванных листах бумаги. Бумагу невестка пор- тила сама и считала это призванием. Но городская прописка перевешивала все минусы. Теперь Денис мог получить нормальную работу и устроиться в жизни. Хоть один сын пристроен. Оста- валось еще четыре. Мать строго-настроено велела им не паяться на свояченицу, потому что на этой жилплощади ловить больше нечего.

Сбыть с рук Ольгу не удалось. Едва она встала на учет в консультации, как сразу же выяс- нилось, что у будущей матери какие-то проблемы со здоровьем. Она несколько раз ложилась на сохранение. Пока Денис жил в училище, все было терпимо. Но Татьяна нервничала.

– Скоро ребенок родится. Почему ему общежитие не дают?

– Общежитие только для офицеров, – развел руками Денис. – Сначала мне надо училище закончить.

– То есть ты там, а Ольга с ребенком у нас? – злобствовала Татьяна.

– Кто ж виноват, что она у вас такая чахлая оказалась? – резонно возражал зять.

– У нас? Нет, милый, у тебя! Это теперь твоя жена. Будь любезен – организуй быт и за- бери свое сокровище.

– Так ей же в больницу постоянно надо. Куда я ее заберу? Только к матери. А там до врача семь километров через лес.

Ситуация накалялась.

Татьяна тихо бесилась. Ольга теперь постоянно лежала, но и лежа она продолжала радо- ваться. Татьяну переселили в проходную комнату.

– Да ладно, чего я у тебя не видел, – утешил ее Денис, приехавший на побывку в раз- гар разборок. Татьяна категорически возражала лежать в проходе, потому что смена комнаты вынуждала ее быть постоянно при полном параде. – Все уже смотрено пересмотрено. Ходи, в чем хочешь. Все свои.

А вскоре случилось самое страшное.

Во всяком случае, Татьяна решила именно так. Она повезла платье очередной заказчице. Той было лень ехать на примерку, поэтому Таня сама отправилась к ней – тетка хорошо пла- тила. В метро она увидела Дениса.

Сначала Таня решила, что ошиблась, потому что парень стоял с букетом. Тем более что, по ее сведениям, муж сестры должен был находиться в училище.

«Я же потом сама себя сожру от любопытства», – подумала Таня, резко развернулась и двинулась к Денису.

Это был он. По его побагровевшей физиономии и забегавшим глазкам Таня все поняла. Букет он сунул за спину и криво улыбнулся.

– Привет. – Она исподлобья взглянула на зятя. – Ну и?

– Чего?

– Того! Кого ждем?

– Никого. Я тут просто.

– Вот и я просто. Составлю тебе компанию. А чего домой не идешь?

– Да дела...

– Ясно. Деловой, значит?

– Тань, ты иди, а?

– Ты у меня сейчас сам пойдешь!

Их перепалку прервала томная блондинка с синими ресницами.

– Диня, это кто? – Она положила ему на плечо холеную лапку и строго уставилась на Таню. То, что девица в старом пуховике с зализанной косичкой и бледным лицом без косметики ей не конкурентка, блондинка понимала. Но тогда кто?

– Это сестра его жены, – просветила красотку Таня. – И сестра очень интересуется, кто вы, барышня?

– Да знаю я про его жену. Удивить меня хотела? – фыркнула блондинка. – И чего?

– Ничего. А вы, типа, временное явление – сахарозаменитель? Или вы на место моей сестрицы метите?

– Это как получится, – флегматично изрекла девица.

– Денис, а у тебя какие планы? – Таня с интересом взглянула на бордово-пятнистого донжуана.

– Какие надо, – буркнул тот.

– Ну ладно, не стану портить вам вечер. – Таня пожала плечами и быстро ушла. Ее трясло и колотило. Что делать со всем этим, она не представляла.

Александра Семеновна теребила край фартука. Взгляд у нее застыл, от чего лицо приобрело нездоровое выражение.

– Мам, ты чего? – Таня тронула ее за руку. – Давай решать, что делать. Это же кошмар.

– А ты рада, что оказалась права? – внезапно спросила мама и внимательно посмотрела на дочь.

Таня отнеслась к вопросу со всей серьезностью. Она помолчала, подумала, взвесив свои ощущения, и покачала головой:

– Нет. Мне казалось, что я буду рада. Потому что... Но это так дико. Я думала, что в обморок там упаду. Мне так плохо было только один раз, когда я гриппом болела. Знаешь, ничего не двигается, все тело ватное, и как-то даже наплевать, что с тобой произойдет. Хочется просто заснуть или отключиться. Мне и сейчас не хочется думать, как быть. Потому что в данной ситуации вообще невозможно как-то «быть». Хочется очнуться, когда все само разрешится. Но оно не разрешится само, да?

– Таня, пожалуйста, запомни на всю жизнь: все, что не имеет отношения к тебе лично, тебя не касается. Никогда не вмешивайся. Даже если ты будешь на сто процентов уверена, что знаешь, как поступить правильно. Это не твоя жизнь, а Ольгина. И если она ничего не знает, значит, так надо.

– Покрывать этого битюга?

– Нет. Просто самоустраниться.

– Это предательство! – Таня вспыхнула и с недоумением посмотрела на мать. – Это подло. Мы что, ничего ей не скажем?

– Представь, что мы скажем. И как нам всем жить дальше? – Александра Семеновна закрыла глаза и потерла виски. – Как минимум у нее от переживаний может что-нибудь случиться с ребенком. И как ей жить после такого?

– Я же как-то жила, – буркнула Таня.

– Ты его не любила. А она любит. Это все очень страшно. Я тоже не знаю, как поступить. Поэтому давай подождем. Если их поссорить и развести, то что в итоге? Ольга с ребенком и без мужа, ребенок без отца. Кому будет лучше?

– Зато это будет правильно! – воскликнула Таня. – Я не представляю, как жить в одной квартире с этим упырем. Ты бы видела: глазки бегают, щечки красные, как у диатезника! Тьфу!

– Жизнь – сложная вещь. – Мама вздохнула и поморщилась. – Здесь все не такое, каким кажется с первого взгляда. То, что хорошо одному, трагедия для другого. Что кажется правильным тебе, для кого-то станет фатальной ошибкой. Я просто хочу тебя попросить – не вмешивайся.

Денис приперся в выходные как ни в чем не бывало. Поцеловал Ольгу, погладил ее огромный живот, поддакнул тестю, ругавшему политику партии и правительства, и кивнул Тане.

Татьяна терялась в догадках. Она весь вечер ждала, что Денис попытается с ней уединиться и хоть как-то объясниться. Вероятно, он начнет униженно уговаривать и убеждать ее, чтобы она его не «закладывала»...

Ничего подобного не произошло.

Так мог вести себя только человек с кристально чистой совестью. Денис с аппетитом ел, громко смеялся и сюсюкал с Ольгой. Недоумевающая Таня не выдержала и перед сном подкараулила Дениса, направлявшегося в свою комнату.

– Ну и что дальше? – прошипела она, ухватив его за тренировочные штаны. – Ты расстался со своей девицей?

– Ага, – безмятежно кивнул молодой супруг и деликатно подергал штаны, намертво засевшие в крепких пальцах швеи. – Тань, спокойной ночи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.